

КОРАН – ВЕЛИЧАЙШАЯ КНИГА НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Продолжение. Начало см. в № 36, 37, 38.

Коран, несомненно, отличается чистота и возвышенность составляющих его сур, от которых исходит истинное поэтическое вдохновение. Но первоначальное учение о благоговении и долготерпении постепенно уходило на второй план после вынужденного бегства Мухаммада в Медину, что было обусловлено теми обстоятельствами, когда мирские страсти и цели становились непроизвольной, побудительной причиной в поведении Мухаммада, и он нередко начинал мстить тем, кто его безжалостно гнал. Злоба курайшитов была так велика, что однажды на Мухаммада напали в Каабе и едва не задушили, а Абу Талиб с трудом его спас, пострадав при этом во время схватки.

Особую ненависть питал к нему Абу Суфйан, один из вождей племени курайшитов и глава язычников, и его жена Хенда. Их он все-таки простил, овладев Меккой (и был «вознагражден» тем, что она затем осмеивала его учение). Так приближалось время «религии меча» во всей силе своей неотвратимой последовательности – идеи, во что бы то ни стало объединить разрозненные племена Аравии в одну нацию, хотя это и вызвало у арабов хищническую страсть к внешнему грабежу, и толкало на путь завоеваний. Тем не менее, напомним читателям о тех правилах ведения войны, которые были установлены Пророком. Чтобы не перечислять все, отметим лишь главные:

1. Если враг принимал ислам, то всякая неприязнь исчезала бесследно.

2. Если отвергатели ислама были аглекитабе, т.е. евангелистами или приверженцами Библии, то их облагали данью (джизья).

3. В случае осады крепости нельзя лишать осажденных воды, а при её взятии штурмом запрещается убивать женщин и детей.

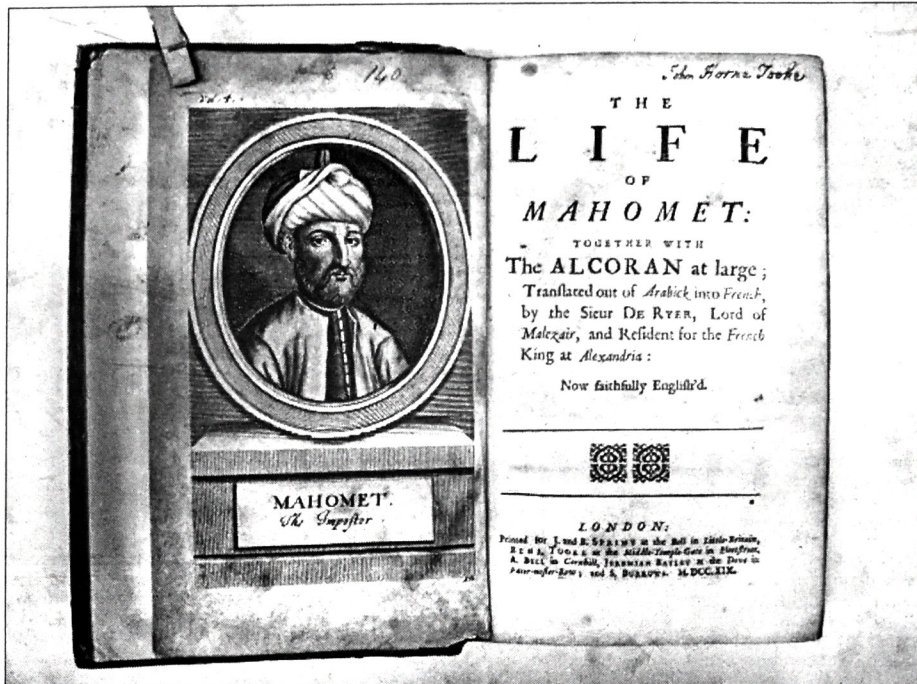
4. Во время сражения женщины обязаны разносить по рядам воинов воду и перевязывать им раны, а в случае отступления – воодушевлять их в сражении.

5. Всякое постановление о войне и народном управлении должно приниматься на общем собрании, которое Пророк мог отменить только по велению свыше (из книги «Нухейб Сурегги» («Небесный избраннык»)).

Но военные победы не породили в Пророке надменности и величия, и даже в период величайшего могущества он оставался также прост и доступен, как и в нелёгкие дни испытаний.

«Почему ты дрожишь, – сказал Мухаммад человеку, приближавшемуся к нему робкими, нетвёрдыми шагами, – чего ты боишься? Я не царь, а сын курайшитки, которая ела мясо, сущее на солнце».

Он если и жаждал всемирного господства, то только господства веры: «Всё свершается по воле Бога... Я возвращаюсь к Богу, тому, Кто послал меня, и обращаюсь к вам с последним увещанием: оставайтесь в единении, любите, уважайте и поддерживайте один другого; помогайте друг другу в вере, в твёрдости веры и в благочестивых делах. Только через них человек достигает благоден-

ствия, всё остальное ведёт к гибели. Я ужо раньше вас, но и вы последуете за мной. Смерть – всеобщий удел; никто не должен стараться отворотить её от меня. Я жил для вашего блага, ради него я и умру».

Его личная касса была опустошена до последней копейки и, как утверждает Омар, после смерти Мухаммада у него не осталось ни одного золотого динара, ни одной серебряной драхмы, ни одного раба или рабыни, а только седой мул Далдал. Своё оружие и земли он завещал своим женам, детям и беднякам.

«Аллах, – говорил один арабский писатель, – предоставил ему ключ от всех богатств Земли, но он отказался принять их».

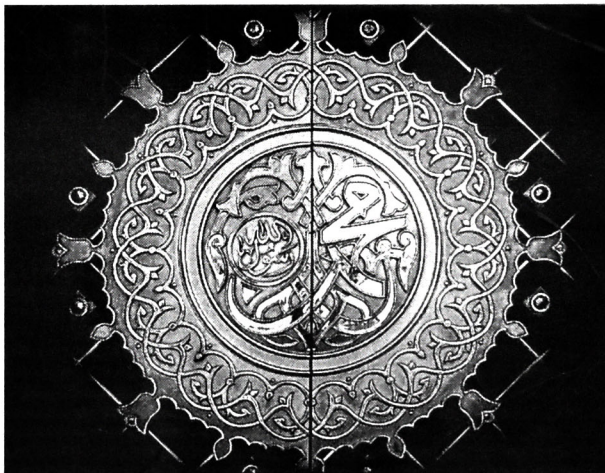
Надо сказать, что тот же Омар однажды обратился к Пророку со следующими словами: «Все государи мечтали жить в роскоши. Они обладали большим богатством и состоянием. С Вашим же скудным имуществом, которое я вижу, с пустой мерной посудой и парой шкур – Вы никогда не достигнете желаемого». На это Пророк ему ответил: «Мне очень жаль, что ты всё ещё интересуешься ничтожными вещами. Я не собираюсь порождать деспотизм и самодержавие, я думаю не о себе, а о том, чтобы наставлять людей на путь истины. А для этого не нужно ни состояния, ни богатства. Мы ощущаем нужду только в силе Единого Бога. Если бы ты мог измерить пространство, в котором помещается моя цель, то никогда не пожелал бы мне жалких богатств и не посоветовал бы мне собирать их» (М.А.Р.Талыбов).

В заключении своей книги «Жизнь Мухаммада» Ирвинг Вашингтон пишет: «Чрезвычайно трудно согласить такое пламенное постоянное благоденствие с упорной системой богоульства и самозванства, как и трудно соединить чистые, возвышенные и полные милосердия наставления, встречающиеся в Коране, с душой, преданной низким земным интересам, и искушаемой неблагоприятными страстями. И нам кажется, что объяснить загадочность характера и поступков Мухаммада можно, только, предположив,

что галлюцинации, которые поразили его восторженный дух в период религиозных экстазов в пещере горы Хира, продолжали в большей или меньшей мере степени сильно ослеплять его до конца земного поприща, и что он умер с ложной уверенностью в своей пророческой «миссии».

Прав ли Вашингтон Ирвинг? Сравнение – лучший критерий истины: посмотрим, что думает об этом крупнейший знаток

«Недавний перевод В.М.Прохоровой рифмованной прозой, не очень умелый, поскольку она не арабист, – пишет Шумовский. – Более того, она допускает алогичные умозаключения. Как будто Мухаммад был безграмотным и косноязычным, и стал совершенно иным после того, как Аллах вдохновил его на пророчество. Но надо же немного знать историю вопроса и текста, который переводится. Мухаммад служил

арабского востока Теодор Адомович Шумовский (интерпретация наша):

Существует три возможных (основных) подхода к изучению Корана: религиозный, художественный и научный. Для мусульманина Коран является «словом Бога», а объяснение предписаний для поведения людей можно обсуждать только в рамках вероучения ислам, ибо Коран отождествляется для правоверных с понятием истины. Поэтому изучение Корана приняло со временем форму комментариев – «Тafsир», что значит «объяснение», которых накопилось великое множество, и они, по существу, стали комментариями к комментариям.

С художественной точки зрения Коран ни догматический, ни исторический источник, а только «тема для вариаций», когда вдохновение рождает тот или иной взгляд на происхождение священной Книги.

приказчиком у богатой вдовы, и прекрасно знал её торговые дела. Вряд ли «безграмотный» мог это делать...».

Вероятно, это, безусловно, так, ибо, как пишет Клод-Этьен, «...в течение 15 лет, проведённых в одиночестве, вдали от людей, он приобрёл знания, необходимые для осуществления своих замыслов. Неграмотность, которую он демонстрировал на людях, была лишь покрывалом, в которое он окутывал себя, чтобы придать своей книге божественный характер».

«Одним из последних событий в художественной жизни слова о Коране, – продолжает Шумовский, – являлись, «Сатанинские суры» Сальмана Рушди. С моей точки зрения это произведение в высшей степени, посредственное, не говоря уже о его явно идеологической направленности».

Другое дело – близкий к образу Мухаммада пророк выда-

ющегося ливанского писателя, художника и философа Д.Х.Джеброна в одноименной трилогии «Пророк». Созданный им нравственно-этический образ Аль-Мустафы, вобравший в себя дар ясновидения, дум и поступков человеческих, дабы стать чистым душой и незапятнанным телесно, находится почти в полном соответствии с учением ислама о нравственном облике человека. Иисус в представлении Халиля Джеброна, «...пришёл не затем, чтобы сделать боль символом жизни, а чтобы сделать жизнь символом истины и свободы (Распятый Иисус)».

«Пророк» является программным произведением Джеброна, и итогом его многолетних поисков сущности человеческой природы. Ниже мы приводим несколько отрывочных фраз из эссе Х.Джеброна «Пророк» (глава «О даянии»):

«Вы даёте лишь малую толику, когда даёте от своего достоинства».

«...Есть такие, которые дают с болью, и она – их крещение».

И есть такие, которые дают и не знают при этом боли, они не ищут радости и не дают в надежде, что им зачтётся».

«...Хорошо давать, когда просят, но лучше давать без просьбы, предугадывая».

Для щедрого искать того, кто получит, – радость большая, чем само даяние».

Есть ли что-нибудь, что стоило бы утаивать?

Всё, что есть у вас, будет когда-нибудь отдано».

Потому давайте сейчас, чтобы время даяния было вашим, а не временем ваших наследников».

Часто вы говорите: «Я бы дал, но только достойному».

Деревья в вашем саду и стада на ваших пастбищах не говорят так».

Они дают, чтобы жить, ибо утаить – значит погибнуть».

Как видим, «Даяние» Х.Джеброна находится в принципиальном соответствии с одним из столпов, на которых основан ислам – очищать себя, быть милостивым, делиться тем, что имеешь и никогда не скупиться. Как сказал поэт:

...Что ты спрятал – то пропало.
Что ты отдал – всё твоё.

Третий подход – научный. Это явление (по сути недавнее), объясняет Коран как произведение одного человека – Мухаммада, и поэтому резко отличается как от Нового, так и Ветхого Заветов, ибо первый – это сборник произведений одной из еврейских сект, во главе которой стоял Иисус Христос, а второй – еврейского народа. Оба они собирались на протяжении нескольких веков, и впитали в себя мифологические сюжеты различных народов Ближнего Востока. В отличие от Библии, – «сборника исторических, пророческих и литературных текстов, Коран содержит только пророческий текст, дошедший до нашего времени на языке оригинала, а потому мало искажённый по сравнению с переводами Библии и Евангелия».

Юра МАМЕДОВ.

Продолжение следует.

На снимке: первые страницы книги В. Мьюра The Life of Mahomet (Жизнь Мухаммада), 1861 год; надпись на воротах Мечети Пророка в Медине «Мухаммад – Посланник Бога».